

18+

МАЯК

ДЕДИКОВ А.В.

Андрей Дедиков

Маяк

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Дедиков А.

Маяк / А. Дедиков — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-96494-5

Унылое болото безрадостного существования безработного "отца семейства" нарушает неожиданное предложение о работе его мечты. Удача! Но у каждой медали есть две стороны. Обостренное чувство справедливости не позволяет Павлу и его команде идти на сделку с совестью. Остаться нормальным человеком... Наверное, в этом смысл жизни. Или нет?

ISBN 978-5-532-96494-5

© Дедиков А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Часть 1. Туда	5
Глава 1. Вакансия	6
Письмо	6
Собеседование	7
Сомнения	9
Контракт	12
Глава 2. Команда	15
Первый	15
Второй	15
Третий	16
Глава 3. В путь	19
Утром	19
Днем	20
Вечером	21
Часть 2. На месте	24
Глава 1. Четыре	24
Профессор	24
Труба	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Андрей Дедиков Маяк

Часть 1. Туда

Моей семье посвящается...

Глава 1. Вакансия

Письмо

Я нашел работу. Пять лет... Пять лет!!! Наконец-то все встанет на свои места. Снова почувствую себя полноценным человеком. Вы представляете, что это такое – быть безработным "главой семейства"? Каждый день, каждый час, каждую минуту ощущать невысказанный упрек жены. Да, она все понимает, обстоятельства и все такое. Но от этого не легче. Да, у нее нормальная работа, и даже на оплату кредитов хватает. Правда, впритык. Но не легче от этого все равно. Само осознание того, что ты зависишь от своей женщины, а не она от тебя – мерзко, унижительно, невыносимо.

Постепенно начал ловить себя на мысли, что боюсь увидеть в детях свои черты. Нет, не внешние! Внутренние, так сказать, психологические. Всякие мелочи – привычки, склонности, отдельные фразы... А с каждым годом их становится все больше и больше. Они подрастают и начинают меня копировать. Это, безусловно, льстит мне как отцу. И одновременно пугает. Вся моя жизнь – сплошная ошибка. Дожил... Мне нечего им передать. Все, что у меня еще осталось – никому не нужное барахло. Раньше я думал, что наличие квартиры, машины, дачи и т.д. – признак состоявшегося человека. Сладкий самообман. Дача им принципиально не нужна, машина морально и физически устареет, если вообще доживет, а квартира... Ну, хоть что-то. Одна на всех. Ее еще разделить надо, не передравшись при этом.

Иной раз такая тоска за душу возьмет, хоть в петлю лезь. Я боюсь своего будущего. Потому что у меня его нет. Жизнь – безрадостное и унылое дерьмо...

И, ведь, были звоночки, были... Я должен был просчитать эту ситуацию. Должен! Но упустил. Проморгал. Прохлопал. Сам виноват.

После сокращения в банке я не стал торопиться искать новую работу. Наивно и самоуверенно думал, что уж кому-кому, а мне-то не составит особого труда устроиться на какое-нибудь тепленькое местечко. Я же крутой, много знаю, многое умею. Целый начальник отдела! Бывший... Потом оказалось, что мои знания и умения не нужны никому. Сегмент экономической безопасности стремительно схлопывается. Вернее, вырождается в примитивный сбор долгов. Заниматься этим мне категорически не хотелось.

Нет, я не сидел сиднем все это время. Пробовал найти себя в других сферах деятельности, радикально сменив профессию. Получил дипломы веб-дизайнера и администратора 1С. Между делом, просто из интереса, неплохо освоил Linux и LaTeX. Правда, на рынке труда это ажиотажа не вызвало. Да и в 45+ начинать жизнь с нуля, бегая в подмастерьях – удовольствие сомнительное. Открыл интернет-магазин, но и из этого ничего хорошего не получилось. Вкладывать всю прибыль в рекламу, а иначе не будет никакой прибыли? Работа ради работы, перевод энергии в тепло. Удовлетворения никакого. Ни морального, ни материального. Да еще налоги всякие и отчетность...

Кадровые агентства с удовольствием брали деньги, заключая со мной договора, но никаких предложений не присылали. На Хэдхантере изредка попадались интересные вакансии. Но, то ли я не мог правильно себя преподнести, то ли не больно-то и хотелось работодателям их закрывать, но они прошли мимо меня. К тому же, неожиданно оказалось, что нужно соответствовать профессиональным стандартам. Оп-па, вот это новости! Что это такое и где это взять? Не важно какой у тебя опыт. Нужна бумажка о соответствии.

Поработал, правда, около полугода дознавателем у судебных приставов... Мерзкая работа, даже вспоминать не хочу. Б-р-р...

На собеседованиях, куда меня изредка приглашали, сделал для себя много открытий. Оказывается, по мнению кадровиков, после сорока пяти интеллектуальные способности резко снижаются. Я-то думал, что молодой еще, ан нет... Да и вообще, если пробыл без работы более полугода – кадрили записывают тебя в категорию "хронических лентяев".

Итак. Бизнесмен из меня никакой, да и, в любом случае, стартового капитала нет. Руками ничего мало-мальски стоящего делать не умею. Профстандарты, опять же... Что остается? Ждать и верить в свою счастливую звезду. Ну или искать работу с пометкой "без опыта". Не курьером, конечно, а более-менее приличную. Возможно, в другом городе или даже регионе.

И вот мне неслыханно повезло, я ее нашел. Вернее, она сама меня нашла.

Все началось со спама. Тем утром в электронной почте, как обычно, было пусто. Жаль, я надеялся, что хоть кто-нибудь соизволит ответить на мои вчерашние отзывы по свежим вакансиям. Просто рано еще. Будем надеяться, что пока не рассмотрели. Или плохо всмотрелись... Я всегда сам себя так успокаиваю, хотя и понимаю, что это самообман.

Случайно ткнул пальцем на папку спама. Обычно я ее просто очищаю не глядя, а тут вдруг провалился внутрь. Среди поздравлений с баснословными выигрышами и предложений драматического увеличения разных интересных частей тела там уже три дня болталось письмо с темой "RE:Вакансия". Спамеры совсем совесть потеряли, на большую мозоль давят. Все же решил письмо посмотреть.

"Здравствуйте, Павел!

Ваше резюме заинтересовало нас. Приглашаем Вас на собеседование

15 июня 2019 г. (суббота) в 10.00 по адресу: ул. Крайняя, д.7.

Желаю Вам удачи!

С уважением,

Мехмети З. В."

Странно. Наименование компании отсутствует. Названия вакансии тоже нет. Телефон не указан. Собеседование в выходной день. Почтовый ящик Яндекса с ничего не говорящим названием. На этот адрес я точно никогда не писал. Жулики какие-то.

С другой стороны, что-то зацепило в этом письме. Назвали меня по имени. Без отчества. Не знают? Да не, вряд ли. Либо компания иностранная, либо кто-то очень хочет показать свою продвинутость. Сейчас это модно. Желают удачи. С чего вдруг? Как-то неуместно такое пожелание в приглашении на интервью. Никогда такого не видел. Х-м-м...

Может, съездить все-таки? Планов на этот день у меня нет. Главное, никаких платных курсов без гарантий трудоустройства! Плавали, знаем.

Собеседование

В субботу ровно в 9:50 я уже стоял на тротуаре напротив дома № 7 по улице Крайней. Разношерстный частный сектор. Тут царила архитектурная эклектика, характерная для окраин практически любого более-менее крупного города. От перекошенных старостью халуп до пафосных, но безвкусных замков местечковых нуворишей.

В этой части города я, если и бывал, то очень давно. А уж дом-то этот точно никогда не видел. Даже на таком колоритном фоне он выделялся белой вороной, производя неуловимо странное впечатление. Если бы кто-нибудь спросил меня в чем эта странность – я бы затруднился с ответом. За добротным забором, меж нескольких высоких сосен, посреди лужайки стоял старомодный каменный особняк. Это слово подходило к нему лучше всего. Не коттедж, а именно особняк. Над крыльцом нависал огромный балкон. Никаких вывесок не было.

Внутренний голос подсказывал, что нечего мне тут делать, надо разворачиваться и идти домой. Я вполне резонно ему возразил, что ничего страшного произойти не может, я же знаю волшебную фразу "спасибо, не интересно". В любой момент можно развернуться и уйти.

Ткнул пальцем в кнопку домофона. Почти сразу шелкнул замок, и калитка открылась. Домофон при этом молчал, никто у меня не спросил кто я и какова цель моего визита. По мощной дорожке дошел до массивного крыльца. Охранник открыл передо мной дверь, коротко и сухо бросил:

– Вам на второй этаж. Прямо и налево.

Поднявшись по широкой лестнице, я без стука вошел в кабинет. Ни вывесок, ни каких-либо табличек так нигде и не заметил.

– Добрый день, Павел! Проходите, я Вас жду.

Не красавица с обложки, но девушка симпатичная. Красивый голос. Еле уловимый акцент, принадлежность которого я определить не смог. Немного раскосые глаза придают восточный шарм. Все портит излишняя серьезность. Читает какие-то бумаги, на меня даже не взглянула. Наверное, это она Мехмети З. В. Интересно, З – это Зарина, Зухра или Зульфия? Хотя, нет, не Зульфия – волосы не кудрявые¹, собраны в аккуратный хвост.

– Павел Михайлович. В резюме так написано, обратите внимание. День добрый!

Если это жулики, чего с ними церемониться? Если нет – ну, хуже не будет. Набью себе цену. С независимым видом я уселся на единственный стул, стоявший ровно посреди кабинета. Переставлять его я счел неуместным.

Девушка подняла глаза. В ее взгляде мелькнул интерес. И продолжила изучение бумаг.

Читай, читай. Читала читака – обкакала собака. Подождем, знаем мы эти штучки. Проверяют психологическую устойчивость. Это уже кое-что. Мошенники вряд ли стали бы заниматься такими вещами. Сразу начали бы охмурять.

Я огляделся. Окна плотно закрыты, никаких звуков с улицы не доносится. Компьютер, принтер. Обычная офисная мебель. Все по своим местам, ничего лишнего. Никаких личных вещей, ни цветочков, ни картин, ни статуэток. Несколько мозолил глаза небольшой старый сейф в углу. Под потолком моргала красным глазком видеокамера. Большой Брат следит за тобой! Я мысленно усмехнулся. Хорошо еще, что у этой дамочки лампы на столе нет. В глаза мне светить.

Пауза затянулась. Может, ну их, этих замороченных анонимов?

Мой интервьюер наконец-то оторвалась от своих бумаг и подняла глаза. Сказать, что я был заинтригован услышанным далее – значит не сказать ничего.

– Павел Михайлович, мы внимательно изучили Ваше резюме, а также другую информацию из открытых источников. Наше рекрутинговое агентство специализируется на подборе персонала для специальных проектов по заказам ряда крупных международных компаний, – госпожа Мехмети вещала как по писаному. – Ваша целемотивационная структура, подготовленность и деловые качества заинтересовали одного из наших заказчиков. Думаю, предлагаемая вакансия подойдет Вам как нельзя лучше.

У меня просто челюсть отвисла. Целемотивационная структура! Звучит!

– Сейчас Вы пройдете чекап, это на третьем этаже нашего здания. Потом вернетесь сюда и побеседуем более предметно. Подпишите, пожалуйста, согласие на проведение обследования.

Она положила на стол какой-то бланк и замолчала, давая понять, что разговор пока окончен. Не сказав практически ничего конкретного, эта дамочка смогла меня действительно заинтересовать. Что за спецпроекты у крупных международных компаний и какое отношение к ним могу иметь я? Видимо, изучали меня тут под микроскопом, и, похоже, все уже решили. Мое согласие считают простой формальностью. Интересно было бы посмотреть на ее реакцию,

¹ Арабское имя, означает "кудрявая".

если б я сейчас встал и ушел, не прощаясь... Ладно, схожу на третий этаж. Отказаться никогда не поздно.

Через пару часов я вернулся в переговорную, чувствуя себя как выжатый лимон. Под словом чекап скрывалось полное медицинское экспресс-обследование. В космос меня запустить собрались, что ли? Проверили зрение и слух, запломбировали пару зубов, сделали ЭКГ на велотренажере, рентген, УЗИ и собрали все мыслимые анализы.

– Наверное, у Вас возникло много вопросов, – без обиняков начала госпожа Мехмети, –
Задавайте.

– Как Вас зовут? – спросил я.

Было видно, что она ожидала другой вопрос и на мгновение смутилась.

– Зоряна, – и добавила, – я из Югославии.

Любопытно. Не из Сербии, не из Черногории, Хорватии или еще откуда, а из Югославии! Сколько лет уже нет этой страны, а будьте любезны, из Югославии она. Это же был Советский союз в миниатюре. Там запросто могла появиться Зоряна с восточным прищуром.

– Что за работу Вы мне предлагаете? – задал я следующий вопрос.

– Вы слышали о компании "Lighthouse"? Думаю, нет. Эта организация не заинтересована в рекламе. Работает напрямую с правительствами разных стран. Осуществляет, в основном, аутсорсинг оценки потенциала восстановления, рекультивации и разработки направлений возможного использования старых государственных, в том числе, военных объектов разного уровня консервации. Более конкретную информацию на данном этапе я Вам раскрыть не могу.

– Что значит "на данном этапе"?

– Более детальная информация содержит коммерческую тайну. Получить к ней доступ Вы сможете после заключения контракта и подписания соглашения о неразглашении.

– Понятно. И как же оплачивается сей тяжкий и секретный труд?

– Вахтовый метод. Контракт сроком на год. Ежемесячная оплата или единовременная выплата – по Вашему желанию. На любой указанный Вами счет. Оформляется, как выигрыш в лотерею. Не беспокойтесь, с учетом налогов. Сумма... – тут Зоряна сделала паузу, – достойная. По крайней мере, она достаточна, чтобы закрыть все Ваши кредиты и обеспечить безбедное существование Вашей семье на пару лет. Кроме того, полное страхование жизни и здоровья.

Да, они тут явно не зря едят свой хлеб. Информацию обо мне собирали не только из открытых источников.

– Я могу отказаться?

Зоряна ответила не сразу. Чувствовалось, что она тщательно подбирает слова. Может, ее русский не так хорош? Да нет, дело тут в другом, с русским языком у нее все в порядке. Говорить она продолжила с легким нажимом, акцентируя на местоимении "Вы".

– Безусловно. Никто не может заставить Вас заключить контракт. Однако, Ваши профессиональные навыки, мотивационная структура личности и психологический портрет однозначно указывают на то, что Вы идеально подходите для предлагаемой работы, а она безусловно подходит Вам. Можно сказать, что это работа Вашей мечты. Тем не менее, у Вас есть время подумать. Надумаете – приходите в понедельник утром, нет – забудьте о нашем разговоре. Счет за услуги стоматолога мы вышлем Вам на электронную почту.

Сомнения

Вот так. Формально мне, конечно, никто руки не выкручивает. Но и другого выхода практически не оставляют! Сладкий пряник маячит только в одном направлении, шаг влево, шаг вправо – непрозрачный намек на кнут. Решение вроде бы принимаешь сам. Исходя из складывающихся обстоятельств. Вот только эти обстоятельства кто-то складывает, преследуя собственные цели. Не факт, что они совпадают с моими.

С одной стороны, об этой конторе я действительно ничего не слышал. А они знают обо мне практически все. Неуютно как-то себя чувствуешь в такой ситуации. За меня уже все решили. Мое мнение никого не интересует. Видимо, потенциальный работодатель относится не только к сотрудникам, но и к соискателям, как к стаду баранов. Хотя, кто в наше время поступает по-другому? Люди как таковые не интересны друг другу. Все рассматривают всех как ресурс, той или иной степени ценности. Сейчас можно любую реплику продавца или начальника мысленно дополнить словами "я тебя, сейчас, конечно, обманываю" и в большинстве случаев окажешься прав. Политик в людях видит только электорат, полицейский – "палку", бизнесмен – рынок, продавец – выручку. Короче, кого угодно, только не человека. И улыбаются они тебе просто как источнику выгоды. Все остальное – не рентабельно. За фасадом дежурной приклеенной улыбки холодный расчет и меркантильность. Всюду ложь и манипуляция, пренебрежение и бессердечное равнодушие. Лицемерие стало стилем жизни. Стыд и совесть – понятия контрпродуктивные, а, значит, их нужно подавить, выдавить из себя, они мешают, как сейчас говорят, "личностному росту". Сама эта точка зрения расчеловечивает, вымарывает из сознания эмпатию. От чего-то более радикального останавливает только страх наказания, да и то не всех. Становится возможным обмануть, может быть даже убить или изнасиловать, не мучаясь при этом угрызениями совести. Ведь, если вдуматься, все в порядке. Ты рационально использовал ресурс, ты эффективен, а значит, успешен. Хуже всего то, что люди уже не представляют, что можно жить как-то по-другому.

Существует и обратная крайность. Давно заметил, что среди разного рода чиновников, в особенности так называемых силовиков, распространено мнение, что они обязаны рассматривать себя как функцию. Механистичность мышления очень удобна. За ней можно скрыть собственную некомпетентность, да и думать не нужно, брать на себя ответственность за принятие решений тоже. Мол, я и рад бы, да не могу, инструкция и все такое. Соответственно, всех остальных они начинают воспринимать не как людей, а как пункты отчетности.

Для меня, как человека, воспитанного в Советском Союзе, это до сих пор дико. Вероятно, и даже скорее всего, нас всех так и использовали, но, по крайней мере, воспитывали в другом ключе. "Человек человеку друг, товарищ и брат!" – вот был наш лозунг.

Если бы человечество не изобрело различные психопрактики расчеловечивания, то войны были бы невозможны. Люди, воспринимающие друг друга адекватно, не способны убить себе подобного.

Ладно, вернемся к нашим баранам. Странная форма оплаты – выигрыш в лотерею... Да и годовая вахта не известно где. Целый год я не увижу свою семью. Когда в резюме я отмечал готовность к командировкам, то имел в виду несколько другое...

С другой стороны, организация действительно серьезная. Точно не жулики, по крайней мере, не рядовые. Действуют достаточно уверенно, организовано все на высшем уровне. Прочитали меня вполне профессионально. Я поймал себя на мысли, что мне определенно нравится эта работа. Это действительно интересно. Опять же, деньги предлагают приличные... Смогу поправить наше финансовое положение.

Доехав до гаража и поставив машину, я бесцельно кружил по району, не спеша идти домой и размышляя обо всем этом, взвешивая все за и против. В конце концов, так и не придя ни к какому твердому решению, решил все обсудить с супругой. О письме и собеседовании я ей пока не рассказывал, считая это предложение несерьезным. Она вообще думает, что я на рыбалке.

Начало темнеть. Стал накрапывать дождик. Пора идти домой. Сколько кругами не ходи, все равно ничего не выкружишь...

– Дядь, закурить не найдется? – послышался возглас со скамейки, к которой я как раз подходил.

Трое парней, двоим лет по 15–16, один постарше. Хорошо сидят. С пивком. И, видимо, оно заканчивается. Завидев меня, один не спеша начал вставать.

– Не курю. – Бросил я, еще надеясь пройти мимо.

– Спортсмен, что ль? – Тот, который встал с лавки, преградил мне дорогу.

Классика. Гопота увидела во мне жертву... Я, не сбавляя шаг, подойдя вплотную и коротким тычком в печень сложил его пополам. Сверху добавил локтем в основание черепа. Самый нетерпеливый претендент на сигареты беззвучно осел на асфальт.

– Кто старший? – Резко развернувшись, я оказался прямо напротив двух сопляков, оставшихся на скамейке.

Глупые полупьяные улыбки медленно сползли с их лиц. Быстро, не сговариваясь, вытянули руки, тыкая пальцами в здоровяка, пускающего слюни на дорожке.

Ну, понятно. Кто же еще?

– Педофилы! Помогите!!! – Вдруг заорал один из них.

Я опешил. Эти мелкие сволочи теперь показывали на меня и жались на лавке друг к другу. Тут у меня в голове взорвался фейерверк, а потом погас свет. Последнее, что я услышал, был вой полицейской сирены. Или это тоже у меня в голове?

Очнулся в полицейском участке. Все болело. Зубов не хватало, лицо распухло. Надо мной склонился мордатый полицейский с майорскими погонами.

– Как сам, Михалыч, жив? – Почему менты всегда обращаются так фамильярно, по отчеству?

Меня сильно мутило. Какой-то шум в голове. Наверное, сотрясение. Кое-как наведя "резкость в прицеле", я огляделся. Вдоль противоположной стены на стульях сидели трое уже знакомых малолетних отморозка, злобно на меня зыркая. Старший украдкой провел большим пальцем себе по шее. Ясно. Этим все не закончится.

– Итак, Павел Михайлович, у Вас есть претензии к этим молодым людям? – Вкрадчиво, с масляной улыбочкой, поинтересовался полицейский.

Я ощупал карманы. Ключи на месте, телефон тоже, даже не разбился. Бумажник лежал на столе у полицейского. Видимо, расчет на то, что я от претензий откажусь, ведь, малолетки, в принципе, ничего не сделали. А вот у них ко мне наверняка претензий будет пруд пруди. Пора брать ситуацию в свои руки.

– Кто меня так отделал, эта шелупонь, что ли? – Вопросом на вопрос ответил я.

– Сам ты шелупонь! – прошипел, судя по росту, самый младший. – Мой батя тебя посадит, вешайся!

Я молча смотрел на мента, ожидая ответ.

– Нет. Это я. – из угла комнаты отозвался какой-то толстяк. Я на него сначала даже как-то внимание не обратил. – Шел вечером домой. Услышал крики о помощи. Смотрю, какой-то негодяй пристает к малолеткам. Ну я ему по башке и врезал.

Видимо, не только по башке. Я искоса на него глянул. А не ты ли, мил человек, тут у них хороводишь?

– Эти молодые люди хотели меня убить и ограбить. Вот этот, – я показал на того, которого на асфальт положил, – прямо так и сказал, мол, сейчас я тебя, дядя, сначала убью, а потом ограблю. Я ясно это слышал. Счел опасность для своей жизни и здоровья реальной. Применил приемы самбо для задержания преступников. Судя по всему, этот толстый гражданин мне в этом помешал. Дайте бумагу, буду писать заявление. На всех.

Толстяк изменился в лице.

– Это как так? И на меня тоже?

– На тебя, толстый, в первую очередь! Засажу лет на десять. Умышленное нанесение тяжкого вреда здоровью. На параше кукарекать будешь. Давайте бумагу. И скорую вызывайте. Прямо сюда. Мне еще побои снять нужно.

До малолеток начало доходить, что дело принимает неприятный оборот.

– Дяденька милиционер, это вот этот мужик нам денег дал. Показал вот на этого кента. Сказал, чтоб мы гоп-стоп устроили. А мы не делали ничо, мы тут ни при чем.

– Здрасти вам, погнали пчел в Одессу... Да вы, бакланы, попутали что ли? Я вас знать не знаю!

– Ясно. – Майор протянул мне бумагу и ручку. – Пишите. Скорую сейчас вызовем. Дежурный! Этих в обезьянник и следака дежурного вызови.

Домой я добрался уже поздно вечером. Мой боевой раскрас произвел на семью неизгладимое впечатление. Я соврал что-то невнятное, мол, споткнулся, упал. Вроде поверили... В голове была одна мысль – а чего от меня хотели эти гопники? Вернее, не они, а тот толстяк. Зачем они напали на меня именно сегодня? Случайность? Наверное...

За ужином рассказал семье о письме и собеседовании. Финансовые перспективы больше всего обрадовали старшенького.

– Пап, круто, соглашайся! Я тут смотрел обзор одного моцыка в ютубе – ваще огонь! Вадику мама такой купила, мы катались. Просто жесьть! Кстати, на соревах ввели новые правила – теперь не допустят без защитных очков. Я в инете присмотрел, чо-то в районе пятнашки стоят.

Ясно. Молча перевел взгляд на жену.

– Паш, надо соглашаться. Я же вижу, что ты мучаешься. Твоя самооценка тает на глазах. Ты сам себя перестаешь уважать. Меня это беспокоит. Возможно, на этой работе ты почувствуешь себя на своем месте. Не беспокойся, мы справимся. Подумаешь, год всего... Ты кушал сегодня что-нибудь?

Кажется, никто даже не заметит мое годовое отсутствие. Ну, что ж...

– Папулечка, не уезжай, – дрожащим губами прошептал младший, – я буду очень скучать! Он подбежал, обнял меня за шею своими тоненькими ручками, поцеловал в щеку и заплакал.

– Не уезжай, пожалуйста! Не надо!

Контракт

В понедельник утром я нажал кнопку звонка у калитки дома № 7 по улице Крайняя. Охранник, как и в прошлый раз, меня уже ожидал и пропустил, не задавая вопросов. Внутри здания опять не было ни одного посетителя.

Зоряна встретила меня в коридоре на втором этаже. В руках она держала несколько пластиковых папок-скоросшивателей.

– Здравствуйте, Павел! Судя по всему, решение принято?

Я молча смотрел на нее.

– Что это у Вас, бандитская пуля? – Усмехнувшись, она процитировала старый советский фильм.

– Ветром надуло. – Буркнул я. Не ее это дело.

– Хорошо, – продолжила она и подошла к двери, которая была по соседству с тем кабинетом, в котором мы беседовали в прошлый раз, – проходите, пожалуйста.

Комната была довольно просторной, чуть больше кабинета, в котором мы беседовали в прошлый раз. Дальняя стена полностью стеклянная с выходом на тот самый огромный балкон над крыльцом.

На стене кабинета висел большой плоский телевизор. Кроме него в комнате стоял только Т-образный стол с креслом для руководителя во главе и рядами стульев по обеим сторонам длинной его части. Перед креслом начальника на столе лежал закрытый ноутбук.

– Зоряна, хотелось бы кое-что уточнить.

– Что именно Вас интересует?

– Да все! Чем я фактически должен буду заниматься, где, когда, с кем? Вы же ничего пока не объяснили.

– Как я уже говорила, детальная информация станет доступна Вам после заключения контракта.

– Вы издеваетесь? Предлагаете мне kota в мешке?

Девушка пристально посмотрела на меня, будто что-то для себя решая.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – после минутной паузы сказала Зоряна и заняла начальственное кресло. Папки с бумагами она положила рядом с ноутбуком аккуратной стопкой.

Я занял один из стульев для простых смертных.

Зоряна достала из папки несколько листов бумаги и передала мне. Контракт и подписка о неразглашении. В контракте общепринятые формулировки, типовой, ничего необычного. Права и обязанности сторон, ответственность, реквизиты и подписи. Так, ага! Таинственный работодатель зарегистрирована на Кипре. Офшор... Да наплевать, лишь бы деньги заплатили. И лучше вперед! Я отметил соответствующий пункт в контракте и вписал номер своей банковской карты. А вот подписка была более интересная. В соответствии с ней я обязуюсь сохранять в тайне все сведения, полученные в ходе экспедиции и сам факт ее проведения. Ну, это понятно. Но, кроме того, мне запрещено разглашать свои персональные данные перед другими участниками.

– Это о чем? – спросил я.

– Всем членам группы будут присвоены позывные-псевдонимы. Вам в том числе. Свое имя, фамилию и другие установочные данные Вы не в праве сообщать другим членам группы, а они – Вам.

Всяк по-своему с ума сходит. Не мое дело. Я подписал бумаги и вернул их Зоряне.

– Группа из четырех человек направляется... ну, скажем, на некий объект. Начальник, ученый-исследователь, техник-механик и специалист общего профиля. Задача – оценка перспектив расконсервации объекта и потенциала его дальнейшего использования. Кроме того, разведка и среднесрочный мониторинг экологической, бактериологической, химической, радиационной и метеорологической обстановки с помощью автоматических зондов. Материально-техническое обеспечение экспедиции за счет компании "Lighthouse", она же осуществляет трансфер, предоставляет необходимый приборный парк, экипировку, провизию и средства связи.

– Не совсем понимаю свое место в этой группе.

– Вы – осуществляете общее руководство группой и еженедельно предоставляете мне отчет. Внешние коммуникации будут только у Вас. Вам же я буду направлять возможные вводные.

Стоп! Буду перед ней отчитываться и получать от нее вводные? А кто тут говорил про рекрутинговое агентство и подбор персонала для некоего заказчика? Чем, интересно, я заинтересовал эту мутную контору? Почему они так вцепились именно в меня? В конце концов, эту задачу мог выполнять любой член группы...

– Почему я?

– Ваши профессиональные навыки и психологический портрет однозначно указывают на то, что Вы идеально подходите для предлагаемой работы, а она безусловно подходит Вам. – Зоряна дословно повторила то, что сказала мне на первом собеседовании. Помолчав, она добавила: – Павел Михайлович, ну, судите сами, свежий воздух, вдали от цивилизации, на полном обеспечении, да все это еще и хорошо оплачивается – не это ли Ваша мечта? Можете взять ружье. Места там дикие и охотинспекторов нет.

Похоже, они знают обо мне все!

– Что еще я должен знать?

– Сегодня будут проходить собеседования с другими членами команды. Мы вместе будем наблюдать за происходящим. – Зоряна открыла ноутбук.

Глава 2. Команда

Первый

На телевизоре появилось изображение кабинета, в котором мы беседовали на прошлой неделе. Стул посреди комнаты, на котором раньше сидел я, занимал этакий дедушка-Айболит. Немного за шестьдесят, очки, седоватая шевелюра и бородка клинышком. Тоже с проседью. Рыжее пятно на усах выдавало в нем заядлого курильщика.

– Не слишком пожилой? – мотнул головой я в сторону экрана.

– Миссия Вашей группы не подразумевает проведение каких-либо специальных операций. Спецназовцы не понадобятся. Кроме того, на сколько нам известно, со здоровьем у него все в порядке.

– Это радует. Зоряна, а кто смотрел в этот монитор, когда мы с Вами беседовали в прошлый раз?

Девушка ничего не ответила, только сердито зыркнула в мою сторону.

– Кто это?

– Ваш ученый-исследователь. Он непризнанный гений.

– От гениальности до безумия один шаг...

Собеседование проводил невзрачный молодой человек, который сухо задавал вопросы и делал какие-то пометки в анкете.

– ... предлагаемая работа соответствует Вашему основному профилю деятельности.

– Позвольте спросить, какому профилю? Молодой человек, да будет Вам известно, у меня докторская степень геолого-минералогических наук, смею Вас уверить, я блестяще защитил кандидатские диссертации по географии, физике и химии. А, волею судеб, изволите ли видеть, работаю учителем географии в средней школе. Так по какому профилю Вы предлагаете мне работу?

Судя по его легкой шепелявости, у дедушки не хватает зубов, как и у меня после встречи с гопниками.

– Ваш уникальный опыт и энциклопедические знания в различных областях науки представляют для нас несомненный интерес. – не реагируя на вопросы профессора продолжал интервьюер. – Поэтому мы рады предложить Вам десять тысяч.

– Репетиторство? – Профессор проявил вялый интерес.

– Долларов. В месяц. Годовой контракт.

С каждым словом в последней фразе лицо профессора вытягивалось, а глаза становились все круглее. Казалось, что они стали больше очков. Рот открылся, но он не мог произнести ни звука и напоминал выброшенную на берег большую рыбу.

– Где подписать? – наконец сдавленно произнес профессор, от его менторского тона не осталось и следа.

– Это не репетиторство. Вам предстоит отправиться в экспедицию.

– Не важно! Давайте договор... Я согласен.

Второй

– Занятный старичок! – сказал я.

– Сейчас будет еще интереснее, – улыбнулась Зоряна.

Она встала, и открыла балконную дверь.

– Идите сюда. Взгляните. – Мы вышли на невероятных размеров балкон, но остались в тени, чтобы не привлекать внимание нового посетителя.

Послышался звук мотора и к воротам подъехал огромный кастом-байк. Черный и брутальный, просто шедевр! Великое Широкое Колесо сзади, клипоны спереди и настоящее казацье седло для верховой езды вместо мотосиденья посередине. На раме был какой-то орнамент из точек и тире... Азбука Морзе! Так, если я все правильно помню, то получается: "Все хотят тебя сбить". Креативно! Еще и двигатель как-то странно звучит, не по-мотоциклетному... Черт возьми, да он дизельный! Браво, у парня руки растут оттуда, откуда надо.

Ворота медленно открылись. Байкер чинно, явно любуясь собой, подъехал к крыльцу и, развернувшись, не спеша припарковался. Пока он шел к крыльцу, я мог его рассмотреть и составить первое впечатление. Высокий, крепкий, около тридцати лет. Черно-желто-белая банда на гладко выбритом черепе. Затертый джинсовый жилет. На груди слева нашивка "Труба", справа ромбик «1%»². Это уже плохо.хлопот с ним не оберешься. Под жилетом была морская тельняшка.

– Это кто?

– Ваш механик. Поверьте, у него золотые руки.

Мы с Зоряной вернулись в кабинет.

Она переключила телевизор на камеру в другом кабинете. Байкер уже взгромоздился верхом на стул, повернув его задом наперед и опершись мощной грудью о его спинку. На его спине красовалась надпись "Loner"³. Собеседование проводил еще один молодой человек с совершенно незапоминающимся лицом. Инкубаторские они тут что ли?

– ... предлагаемая работа соответствует Вашему основному профилю деятельности. – Как под копирку вещал и этот типчик.

– Слышь, бро, ты чо несешь? Какой еще профиль деятельности? Я вольный бродяга по жизни. Сидеть на жопе ровно – не мое. Летом я все время в дороге, а зимой нанимаюсь куда-нибудь механиком или мотористом. Нравится мне в железках ковыряться, понимаешь. Вон, зырь, байк собрал. Сам! Ни у кого такого нет. Он один, в единственном экземпляре! В правильных байках чо-нить ваще шарить, цивил ты пешеходный?

– Ваши компетенции позволяют нам надеяться, что Вы можете справиться с пусконаладочными работами механизмов различной степени сложности. – Бесцветный молодой человек бубнил свой заученный текст, совершенно не изменив интонации.

– А вот это по мне. На бабло не жадные вы тут?

– Вам предлагается десять тысяч долларов в месяц. Контракт сроком на один год.

– Сто двадцать тонн зелени? Нештяк. Я в теме. Чего ломать будем? – у байкера загорелись глаза.

Зоряна закрыла ноутбук. Экран телевизора на стене погас.

Третий

– Можно всех посмотреть? – усмехнулся я, – Четвертого покажете?

– Обязательно. Но позже. Как впечатления от первых двух?

– Многолюдно у Вас сегодня.

Зоряна выжидательно смотрела на меня.

– В общем, оба годные. Дедушка знает все на свете. Наверное, очень нудный и противный. Байкер, видимо, самоучка. Это часто лучше, чем дипломированный специалист. Потому что

² One Percent. Термин появился после выступления главы Американской Мотоциклетной Ассоциации (АМА), в котором тот сказал, что все мотоциклисты законопослушные люди, и только один процент из них являются отверженными и нарушают закон (outlaws). С тех пор эта нашивка означает, что клуб или независимый байкер относят себя к outlaw.

³ Свободный наездник, Одиночка.

изучал то, что ему действительно интересно. Учился осознанно и получил именно знания, а не свидетельство о прослушанных курсах. Явно мастер на все руки. С дисциплиной у него, кажется, не все в порядке, но не сидел это точно. Арестанты и говорят не так, и ведут себя не так. Проблемы с законом есть?

– Серьезных нет. Так, разные мелочи, дорожные штрафы, мелкое хулиганство и тому подобное. Но Вы правы. У него было трудное детство. Рос в детдоме, родителей нет, семьи тоже. Маргинальная личность.

– А профессор нам зачем, без него не справимся? Кстати, он правда профессор?

– Правда. Работал в закрытом НИИ, вел исследовательскую работу. В середине 90-х тему закрыли, он оказался никому не нужен. Обижен на весь мир. Жена ушла, с детьми он тоже отношения не поддерживает. Его знания могут быть Вам полезны. Достоверно никто не знает, что может ждать экспедицию на объекте. Он – Ваше интеллектуальное НЗ.

– Ясно. Показывайте вашего специалиста общего профиля. Чем он вообще будет заниматься?

– Ознакомьтесь, пожалуйста. – Госпожа Мехмети взяла одну из папок, лежащих у нее на столе, и достала оттуда несколько листов. Интересно, а кто она на самом деле?

Живьем, я так понимаю, мне четвертого не покажут. По крайней мере, сегодня. Так, что у нас тут? "Справка в отношении кандидата на заключение контракта". Интересно. Наверняка такие справки есть на всех кандидатов, в том числе и на меня. Вот бы что почитать! Не дадут, наверное, ну, да ладно...

Установочные данные предусмотрительно замазаны канцелярским корректором. Конспираторы, блин! Может, ногтем поскрести? Я покосился на Зоряну.

– Не стоит. Вам все равно это мало что даст. Поверьте, скрытая информация не всегда не столь интересна, как Вам кажется.

Мысли мои она читает, что ли?

С фотографии на меня смотрел маленький узкоглазый человечек. Широкое скуластое лицо испещряли бесчисленные морщины. Ладно. Что тут дальше? Якут, потомственный шаман. Ни фиги себе! Я думал, наша команда уже колоритна до невозможности, оказывается нет предела совершенству. Так, что еще? Изгнан племенем из стойбища. Причины неизвестны. Несколько лет жил один, бесцельно кочуя по тайге и тундре. В шторм высадился на необитаемом острове в Беринговом проливе, где в одиночку прожил полгода. По льду смог переправиться на Аляску. Там кочевал еще несколько лет. Профессиональный охотник-промысловик. Владеет русским, английским и несколькими языками малых народов севера.

– В общем, не густо. Много пробелов в биографии. Чем он у нас будет заниматься?

– Зона его ответственности – кухня, уборка, другие бытовые вопросы. Кроме того, он эксперт по выживанию в экстремальных условиях и нетрадиционной медицине. Это ваш последний шанс в форс-мажорных обстоятельствах.

Веселенькую компанию мне подобрали. Чокнутый профессор, отмороженный байкер и шаман-выживальщик.

– Осталось определиться с позывными. Есть предложения? – продолжила Зоряна.

– С профессором понятно – пусть будет "Профессор". Байкер... Они пишут свои погоны, так называемые "legal name", на нагрудных нашивках. Не будем изобретать велосипед, тем более что он к своей кликухе уже привык, да и "Труба" созвучно true biker⁴. Шамана назовем "Дерсу".

– А Вас будем называть Арсеньев?

– Очень смешно. – улыбнулся я. – Нет, конечно. Пусть зовут как хотят, например, "Хозяин". Вы меня как предпочитаете называть?

⁴ (англ.) Настоящий байкер.

Зоряна ничего не ответила.

– В следующий понедельник жду Вас здесь к десяти часам утра. С вещами.

Глава 3. В путь

Утром

Я подъехал за полчаса до назначенного времени. Не люблю, когда меня ждут. Но Зоряна уже встречала меня на крыльце. Я, не спеша вышел из такси, вытащил свои вещи из багажника и поднялся к ней по ступенькам.

– Добрый день, Павел Михайлович! Вещи собрали?

Осень уже вступила в свои права. Лиственный лес на окрестных холмах стал желто-буро-красным, ярким. Лучи осеннего солнца подсвечивали все это золото изнутри. На этом фоне Зоряна смотрелась очень хорошо. Она была одета в камуфляж Натовского образца. Было видно, что носит она его не впервые, сидел он на ней как влитой.

– Собрал. А Вы с нами собираетесь?

– Нет. Просто сегодня так будет удобнее, – сухо ответила Зоряна. Видно было, что она несколько напряжена.

– Ваши подопечные уже едут. – Она взглянула на планшет, достав его из набедренного кармана.

Она нас всех отслеживает? Каким образом?..

Трубу мы услышали издали. Его мотоцикл плавно въехал в заранее открытые ворота, он картинно сделал круг по двору и остановился прямо перед нами. За плечами у него был небольшой рюкзак, к седлу был приторочен приличных размеров баул.

– Привет, красавица! Присмотришь тут пока за моим конем? А это что за хмырь с помятой рожой рядом с тобой?

Зоряна с интересом покосилась на меня, снимая реакцию. Представить меня байкеру, тем самым придав мне легитимности, она видимо, не считала нужным.

Я молча смотрел на Трубу. Ясно. Придется принимать меры. Сразу. Ну, слава Богу, не первый раз. Да и не тот орешек, чтобы об него зубы сломать.

Опять послышался шум мотора, подъехало такси. Машина остановилась перед закрытым шлагбаумом. Из нее вышел Профессор. Водитель открыл багажник и достал оттуда два огромных чемодана. Стало понятно, что Профессор никак не сможет сам донести их до нас.

– Труба, за мной! – Я спустился со ступенек и направился к шлагбауму.

Труба вопросительно взглянул на Зоряну, потом посмотрел мне вслед, сплюнул себе под ноги, но пошел. Отлично, это хороший знак!

Мы взяли чемоданы Профессора и принесли их к крыльцу. Профессор семенил за нами и что-то бормотал про цены, хамство и наглость таксистов.

– Итак, господа! – Зоряна спустилась на пару ступенек, когда мы, наконец, притащили чемоданы к крыльцу.

Труба бесцеремонно уселся на чемодан, который тащил. Я тоже последовал его примеру, пропуская мимо ушей причитания Профессора. Кирпичей он туда наложил, что ли? Байкер достал кисет и свернул себе самокрутку. Закурил.

– Вы все знаете, для чего сегодня тут собрались. – Зоряна сделала паузу, чтобы все обратили на нее внимание. Она терпеливо дождалась этого и продолжила. – Эта экспедиция очень важна. Мы собрали лучших. Ваши знания, навыки и умения не позволяют усомниться в ее осуществлении. Сегодня вас отправят на объект. По пути к вашей группе присоединится еще один человек.

Зоряна замолчала. Я понял, что настало мое время толкнуть речь и снова поднялся к ней на крыльцо.

– Я руководитель экспедиции. На время командировки – второй после Бога. Имею право казнить и миловать. Буду это делать в прямом смысле слова. Это понятно? Я доступно объясняю?

Профессор судорожно кивнул. Моя недавно отрихтованная рожа явно рисовала в его воображении все казни египетские. Труба набычился и смотрел исподлобья.

Так. Чемодан тащил правой рукой, прикуривал тоже. Учтем.

– Повторяю специально для местечковых Сонни Баргеров⁵. – Я сделал пару шагов в его сторону и посмотрел ему прямо в глаза. – Мы на военном положении. Нарушения дисциплины будут жестко пресекаться. Вплоть до расстрела. Вопросы есть?

– Есть. – Он встал с чемодана и щелкнул суставами пальцев, разминая кулаки. – Цивил, а не пошел бы ты на хрен?

Я подошел к байкеру почти вплотную, отвел взгляд, повернув голову вправо и подставив ему свое левое ухо. Руки я держал за спиной.

– Что? Еще раз. Не расслышал.

– Дядя, тут два варианта, ты либо глухой, либо тупой.

Одновременно с этой фразой он нанес удар правой. Я не ошибся. Первое, он – правша, второе – предсказуем. Я среагировал. Боковым зрением. Часто его недооценивают. А зря. Иногда отлично помогает! Мгновенно подсел под бьющую руку и, одновременно разворачиваясь всем телом влево, резко ударил локтем не в пах, а чуть выше, в район мочевого пузыря.

Байкер беззвучно согнулся пополам. Уже никуда не спеша, я выпрямился и добавил ему с ноги по зубам.

– Скажи мне спасибо, что я спас твои яйца, парень.

– С-спасибо. – Выдавил он из себя.

– У приличных людей принято говорить "Большое спасибо" в таких случаях.

– Большое спасибо!

– Хорошо. Мы друг друга, надеюсь, поняли. Последний раз спрашиваю. Вопросы есть?

– Нет. – Байкер, скрючившись, лежал на земле.

– Не слышу! – Гаркнул я сверху вниз, нависая над ним.

– Никак нет! – В его глазах я увидел, что он понял, кто тут альфа-самец.

Думаю, этого будет достаточно. По крайней мере, пока. Старикан смотрел на нас, беззвучно что-то шепча. Молится он, что ли? Ненормальный.

– Отныне и до возвращения вы – Профессор и Труба. – Я поочередно указал пальцем на обоих. – Друг друга называть только так. Ко мне можете обращаться босс, шеф или начальник. Как хотите, мне плевать.

С заднего двора, тихо урча, подъехал черный микроавтобус с тонированными стеклами.

– Это за нами. – Зоряна спокойно взглянула на часы. – Грузимся.

Днем

Ехали молча. Зоряна сидела рядом с водителем. Труба дрых, развалившись на заднем сиденье. Профессор не спал, но всю дорогу провел с закрытыми глазами, что-то бормоча себе под нос.

Я тоже был занят собственными мыслями. События последней недели давали богатую пищу для размышлений, однако, более-менее обоснованные выводы сделать было невозможно, так как конкретики нет почти никакой. Ясно было только одно – я ввязываюсь в какую-то авантюру с туманными перспективами. Хотя, скорее, меня к этому настойчиво подталкивают. К тому же, у младшего гопника отец действительно оказался какой-то крупной шишкой. Хоро-

⁵ Ральф Губерт "Сонни" Баргер – президент байк-клуба "Hells Angels MC World."

ший адвокат дело сможет повернуть по-всякому. Хорошо, что я могу свалить далеко и надолго. Пусть все успокоится. Одно радует, деньги мне перевели сразу после подписания контракта. Финансовые трудности позади.

С семьей прощались буднично, как будто я не уезжал на целый год. Старший, не отрываясь от телефона, просто сказал "Давай, па, пока!", жена что-то лопотала, как радио, про новый школьный родительский чат, про зимнюю одежду для младшего и новый спортивный костюм для старшего. Еще что-то в том же духе, слушал ее краем уха. Я лишний на этом празднике жизни. Не чужой, но лишний.

Только младший залез мне на колени и тихо всхлипывая, заглянул в самую глубину глаз.

– Папочка, не уезжай...

– Не могу. – В глазах у меня стояли слезы, в горле был ком. – Я дал слово.

– Забери его назад. Не уезжай. Пожалуйста! – Голос срывался. Степашка старался сдерживаться, но рыдания прорывались сами собой.

– Нельзя забрать слово. Его можно только дать. Не плачь. Я скоро приеду. Даже оглянуться не успеешь, а я уже вернусь. Ты только учись хорошо и маму слушайся. Договорились?

– Жаль, что ты такой честный... Я тебя буду очень ждать, папочка!

Через несколько часов микроавтобус въехал на территорию какого-то частного аэроклуба. На летном поле нашу группу уже ждал АН-28, этакая "Газель" с крылышками. Возле него были сложены в штабеля несколько деревянных ящиков, накрытых брезентом. На них сидел Дерсу. У его ног лежали старый сидор⁶ и большой брезентовый тюк.

Вечером

Микроавтобус уехал сразу, как только мы выгрузили свои вещи.

Погрузка оборудования измотала всю нашу команду. Мы с Трубой подтаскивали тяжелые ящики к грузовому двустворчатому люку в хвосте самолета. Дерсу цеплял их к кранбалке и под руководством пилота размещал груз в салоне. Профессор суетливо пытался помогать, правда, толку от него было мало. Зоряна все это время сидела в кабине пилотов, уткнувшись в свой планшет. Пару раз с кем-то разговаривала по спутниковому телефону.

Закончили с погрузкой часа за полтора. Солнце уже начинало клониться к закату.

Мои подопечные уселись прямо около взлетной полосы, невдалеке от самолета, и закурили. Я просто разлегся рядом на траве и смотрел в небо. По мышцам разливалась приятная усталость. Труба очень ловко, одной рукой, свернул самокрутку. Дерсу набил табаком длинную трубку, Профессор прикурил обычную сигарету. Пилот вяло возмущился, мол, курить возле самолета запрещено, но был послан Трубой в известном направлении. Никак на это не отреагировав, тот флегматично сел рядом и тоже достал сигареты.

– На, мою попробуй! – Труба протянул пилоту самокрутку. – Настоящий голландский Drum. Сам когда-нибудь сворачивал, не? Да где тебе, цивил воздушный, это же целое искусство! Вот смотри, – он начал сворачивать сигаретку себе, – сначала нужно нежно размять табак, чтобы каждая его прядь напиталась воздухом. Потом аккуратненько уложить в папиросную бумагу, в постель. Сворачивать обязательно руками! Не слишком плотно, но и не совсем свободно. Средне. Всякие машинки для сворачивания сигарет их уж очень сильно сдавливают, бездушно получается, фигня в общем. Замучаешься потом тянуть, только легкие с такой закруткой разрабатывать. Я, кстати, затарился на целый год. Должно хватить.

Да этот парень просто какой-то табачный гурман!

– Длительная экспедиция – отличная возможность бросить курить, – подал голос Профессор, – я взял только один блок сигарет. Вот закончится и брошу.

⁶ Солдатский вещевого мешок старого образца.

– Проф, вот ты умный вроде дядька, но дурак. – Труба с нескрываемым удовольствием затянулся. – Ко мне потом даже не подходи сигаретки стрелять. Вон у чукчи спрашивай.

– Когда табака нет, можно курить заячьи какашки. – На чистом русском спокойно сказал Дерсу. По его лицу невозможно было понять, шутит он или говорит серьезно. Он ни к кому не обращался, говорил как будто сам с собой. Или с Пустотой...

– Тебя как звать-то, чукча? – не унимался Труба.

– На время экспедиции его зовут Дерсу. – Сказал я, не поднимая головы. – И он не чукча, он – якут.

– Сами Вы, молодой человек, дурак! – взвизгнул Профессор. – Это возмутительно! Я прошу оградить меня от этого хамства!

Труба заржал как конь, откинулся на спину и стал пускать в небо колечки дыма.

Зоряна вышла из кабины пилотов и подошла к нам.

– Самолет готов к вылету? – обратилась она к пилоту. – Проверьте все еще раз, пожалуйста.

Пилот молча поднялся, затоптал окурок и пошел к самолету. Так. Кажется, пришло время узнать самое интересное!

– Господа, прошу внимания! Вот карта местности, где находится конечная точка нашего сегодняшнего вояжа. – Она присела на корточки рядом с нами и положила карту на траву. – Ознакомьтесь. Сейчас в самолет мы загрузили минимальный набор для обеспечения вашего существования на случай непредвиденных обстоятельств, только самое необходимое – медикаменты, продовольствие, теплую одежду, аккумуляторы и т.д. Генератор, запас горючего для него, дополнительное снаряжение и приборы были сброшены на парашютах в окрестностях вашей базы ранее. Каждый груз оборудован радиомаяком. Кроме того, к приборам приложены подробные инструкции по инсталляции и использованию. Ваша задача – найти эти грузы, доставить их в базовый лагерь и развернуть оборудование по назначению.

Она положила на траву несколько фотографий и продолжила.

– Это снимки из космоса района вашего базового лагеря. Разобьете его вот на этом мысе. Обратите внимание, к северу, на расстоянии около пяти кабельтовых⁷ от берега, находится остров. На нем ранее располагалась научно-исследовательская станция. Сейчас она пуста, степень консервации неизвестна, возможно вообще полностью заброшена. Данные об этом отсутствуют. Вам надлежит организовать туда вылазку, доразведать и обследовать ее, разместить на острове часть оборудования и составить подробный отчет.

Она положила передо мной угловатый планшет и спутниковый телефон.

– Планшет защищенный, не тонет, не горит, не разбивается. В разумных пределах. С телефоном можно соединить кабелем или по Bluetooth. Автоматически начнется синхронизация и резервное копирование файлов в корпоративное облако. Телефон программно заблокирован. Можно звонить только на один номер – мне. Ковырять не рекомендую. Какая защита там стоит я сама достоверно не знаю. Может совсем заблокироваться или, например, неожиданно взорваться в руках. Понятно? – Зоряна посмотрела мне в глаза. Я кивнул.

– Свои личные телефоны прошу сдать мне. Вам они не пригодятся, сотовой связи там все равно нет. За их сохранность можете не беспокоиться.

– Текущие еженедельные отчеты руководитель экспедиции будет присылать лично мне. – Продолжила она, раскладывая наши телефоны по карманам. – А теперь прошу всех в самолет. Карту и фотографии изучите в самолете.

Мы кое-как загрузились в салон, Зоряна заняла место второго пилота. Все опять были погружены в свои, по большей части невеселые, мысли, один Дерсу мычал какую-то заунывную песню. Шаманскую, наверное...

⁷ Международный кабельтов = 1/10 морской мили = 6 угловых секунд меридиана = 185,2 метра

Летели всю ночь. Два раза приземлялись для промежуточной дозаправки. Часто закладывало уши, самолет довольно ощутимо болтало. Было тесно, больше половины салона занимали ящики со снарягой. Уже на рассвете я кое-как задремал, скрючившись в кресле, но выспаться толком так и не получилось.

Часть 2. На месте

Глава 1. Четыре

Профессор

Солнце бесцеремонно светило сквозь иллюминаторы. Поле облаков внизу было похоже на гигантское картофельное пюре. Постепенно оно закончилось и стало видно землю внизу. Вернее, не землю, а береговую линию, море и полосу прибоя. Как оказалось, мы летели вдоль берега. Раньше я никогда не видел море с высоты птичьего полета. Это потрясающее зрелище! Под крылом самолета ровными шеренгами шли армии волн и в самоубийственном экстазе разбивались о неприступные утесы. Бесчисленное множество птиц стояли гарнизонами на их вершинах, словно обороняя крепостные стены. Даже сквозь шум моторов был слышен крик птичьих базаров. Суета на скалах напоминала панику побежденных, но волны раз за разом разбивались в брызги и бессильно откатывались назад. На пляжах они победно накатывали на берег, но, не встречая сопротивления и, видимо не зная, что дальше делать, просто растворялись без следа.

Самолет заложил крутой вираж в сторону моря, но, сделав петлю, развернулся обратно и пошел на снижение. Как нос исполинского авианосца прямо перед нами далеко в море вдавался скалистый мыс с ровной плоской вершиной, лишенной какой бы то ни было растительности. На окружающих сопках лежал высокий травянистый ковер, по которому ветер гнал волны навстречу прибюю, к галечным пляжам по обеим сторонам утеса, где эстафету принимали уже волны морские. На горизонте из тумана поднималась горная гряда.

Пилот мастерски посадил самолет на утес и сразу развернул машину в сторону моря.

– Разгружаемся! Быстро! – скомандовала Зоряна, отстегивая ремни и вставая с кресла пилота.

За несколько минут мы вытащили из салона все ящики и свои вещи, свалив их кучей прямо на землю. Выйдя из самолета, Зоряна молча наблюдала за нашей суетой.

– Господа! – сказала она, когда мы закончили. – Вы на месте. Эвакуация ровно через год. Завтра в 10:00 жду первый отчет от руководителя экспедиции. Удачи!

Мы молча стояли и смотрели, как она садилась в кабину. Самолет коротко разбежался и легко взмыл в небо. Через минуту, качнув на прощание крыльями, он превратился в точку, а потом совсем скрылся из виду. Было около двух часов пополудни.

Еще несколько минут мы молча всматривались в небо. Первым очнулся от оцепенения Дерсу. Вынул из кучи нашего скарба свой мешок и уселся на один из ящиков. Порывшись за пазухой, он достал кисет и трубку. Не спеша, набил ее, раскурил и опять затянул свой заувнынный мотив.

Глядя на него, Труба тоже улегся на большой ящик, задрал ноги на груды других и свернул себе самокрутку. Один профессор продолжал стоять, растерянно озираясь.

– Сверни-ка мне тоже. – Сказал я, подходя к ящикам. – Не каждый день такое бывает.

– Ты ж, вроде, не куришь, командир?

– Да. Уже восемь лет. Курил раньше...

– На, держи чепердулку. – Труба, опустил ноги на землю и, немного подвинувшись, освобождая мне место, протянул самокрутку.

Я сел рядом с ним и взял сигарету. Он тут же свернул еще одну, чиркнул зажигалкой, прикрыл ее рукой от ветра и дал мне прикурить. Потом прикурил сам.

– Проф, хватит там стоять, а то чайки обосрут! Иди сюда, тут еще место есть. Кидай зад. – Труба показал на свободный ящик.

– Они нас и тут обосрут. – Буркнул Профессор, но тоже сел рядом с нами и закурил.

В небе над нами действительно носились птицы и что-то противно орали. Явно было видно, что они не очень довольны нашим присутствием.

– Это не чайки, – опять ни к кому не обращаясь сказал Дерсу. – это гагары. Можно есть.

– Да у тебя, наверное, все что есть можно есть, абориген хренов. А чего есть нельзя – то курить можно. – засмеялся Труба.

– Сырые они не очень вкусные. Лучше ободрать шкуру вместе с перьями и на огне приготовить. С черемшой. – и, помолчав, добавил, – Я не абориген этих мест.

Во дает, он их сырыми жрал! Как-то вдруг пришло осознание оторванности от мира. Мы, четыре совершенно разных человека, находились за тысячи километров до ближайших обитаемых мест. А, может, и не за тысячи... Дальность полета Ан-28 составляет от полутора до почти двух тысяч километров. То есть мы от последнего аэродрома дозаправки находимся в тысяче километров. Максимум. А сколько длился последний перелет? Не знаю. К сожалению, я спал.

– А кто-нибудь знает, сколько мы летели после последней дозаправки? – Профессор и Труба уставились на меня, забыв про свои сигареты.

– Часа три, примерно. – отозвался Дерсу. – На северо-запад.

Крейсерская скорость нашего самолета 330 км/ч. Итого имеем около тысячи километров до ближайшего аэродрома. Почти максимум с небольшим запасом. Но не факт, что ближе нет обитаемых мест без аэродромов...

– Джентльмены! – я достал бутылку "Jack Daniel's" из своего рюкзака. – Предлагаю выпить за благополучное завершение перелета и начало нашей вахты.

– Ну ты, шеф, могуч! Я думал ты цивил, а ты правильный пацан. – Труба хлопнул меня по спине и добродушно подмигнул. – Стаканов, жаль, нет. Ни чо, не графья, из горла тоже можно.

Пропустив мимо ушей его ернивание, я открыл бутылку и сделал пару глотков. Натощак легкий, сладковатый напиток с карамельно-ванильными нотками в паре со вкусом чернослива самокрутки сделали свое дело – голова приятно закружилась, даже на вершине скалы у черта на куличках стало вдруг тепло и уютно. Я передал бутылку Трубе. Он по-молодецки запрокинул голову и, не стесняясь, влил в себя добрую четверть пузыря.

– Зашибенно! – удовлетворенно крикнул он и протянул бутылку Профессору.

Профессор подозрительно и несколько, как мне показалось, брезгливо на него посмотрел, но все же хлебнул полглотка и тут же раскашлялся до слез.

– Давненько я не пивал этакой бурды. Да-с... – сказал он, откашлявшись, и передал бутылку Дерсу.

– Да ты, Проф, наверно, вообще никогда не пивал такой бурды! – Труба заметно закосел.

– Спасибо, начальник. Я не буду. – Дерсу передал виски мне. – Нельзя.

– Ты чо, нас не уважаешь? – возмутился Труба.

– Отставить пьяные базары! – я сделал еще глоток, закрыл бутылку и убрал ее в рюкзак. – Наша задача на ближайший год – выжить. По возможности всем. Поэтому любые склоки будут пресекаться. Жестко.

– Сейчас нужно решать текущие задачи. – продолжил я. – Первое – обустроить лагерь. Второе – ужин.

– Ужин – это хорошо. – отреагировал Труба.

– Дерсу, где, по-твоему, лучше поставить лагерь?

– Начальник, наверху ветер. На берегу может быть высокий прилив. Я схожу огляжусь, поищу подходящее место.

Дерсу встал, развернул свой брезентовый тюк и достал оттуда потрепанный СКС. Насыпал в карман своей меховой куртки патронов. Кожаным шнурком привязал к поясу бычач – таежный якутский нож в ножнах из бычьего хвоста.

– Ни хрена ты, чукча, продуман! – искренне восхитился Труба. – А чо, так можно было?

Тот никак не отреагировал на его возглас. Закинул карабин за спину и не спеша пошел в сторону сопок.

Я тоже поднялся и направился в другую сторону, к морю. Скала была ровной, гладкой, лишь немного шершавой. По обеим ее сторонам холмистый берег полого спускался к пляжам, а утес, на котором мы находились, далеко вдавался в воду, образовав горизонтальную площадку метрах в семидесяти над уровнем моря. С высоты этой пропасти я глянул вниз, на разбивающиеся о скалы волны. Немного закружилась голова. Страшно, но красиво. Нет, страшно красиво!

Прямо напротив нашего утеса, примерно в километре от берега, был остров. Обращенная ко мне сторона была чуть ниже площадки, на которой я стоял, с отвесными неприступными скалами. Когда-то остров с утесом явно были единым целым. Древний катаклизм отколол от длинного мыса кусок. На сколько я мог видеть, дальше, в сторону открытого моря, остров опускался пологими холмами, повторяя рельеф окружающих нас берегов.

Туда предстояло рано или поздно переправляться. Пока погода позволяет, надо хорошенько все рассмотреть. Я вернулся к нашему импровизированному лагерю. Профессор, сгорбившись, сидел на ящике и, глядя перед собой, беззвучно шевелил губами. Опять молится? Или... Ладно, не сейчас. Хорошо хоть не буйный. Психологией займемся чуть позже.

Труба, наоборот, был весел и полон энергии. Размахивая руками, он что-то эмоционально рассказывал Профессору, не обращая внимание на то, что тот его не слушает. Иногда он вскакивал, хлопал Профессора по плечу, восклицая "Понимаешь, Проф?!", широко улыбался и продолжал весело разглагольствовать, не обращая внимания на реакцию старика.

– В Крыму разок подъехала ко мне братва местная, было дело. – вещал Труба. – Еще в пятнадцатом году. Предъявили за расцветку. Мол, ты чьих будешь, пацанчик? Ха-ха... От бескультурья, видать, от малограмотности! Разобрались-то быстро. Сначала засветил "Loner'a" на спине. Люди, слава Богу, серьезные оказались, в понятиях, сразу вкурили, что я не цивил. Ну, пришлось пояснить мужикам за имперские цвета, у них тогда только красно-сине-белый триколор был в чести...

Я достал из своего рюкзака бинокль и опять направился к обрыву. Труба обратил внимание на меня.

– Оп-па, шеф, у тебя бинокль есть? Дай позырить!

– Пошли. Вместе позырим.

В бинокль остров можно было рассмотреть лучше. Базу, вернее, научно-исследовательскую станцию, о которой говорила Зоряна, нигде видно не было. Вообще ничего, созданного человеком, на острове не наблюдалась. По крайней мере, с утеса, на котором мы стояли. Никаких антенн, построек, дорог, даже маломальского намека на тропинку. Хм...

– Ну дай позырить, шеф! – канючил Труба, стоя рядом. – Я тебе еще одну сигарку сверну.

– Спасибо, не надо. На, смотри. – я передал ему бинокль. – Что видишь?

– Ух-х, красота! Красотища!!!

– Что еще видишь?

– Погоди, шеф. Ша все разглядим, поимей терпение...

Ладно. Наверно, с таким наблюдателем мне и правда остается только потерпеть.

– Шеф! Вижу! – вдруг заорал Труба.

– Ну-ка дай сюда! – я отобрал у него бинокль. – Где?

– Да вон, в самом низу, у воды. Видишь вход в пещеру? На правую стенку смотри.

Одну из береговых скал действительно рассекала довольно большая трещина. Расширяясь вниз, на уровне моря она открывала вход в пещеру. Рядом с ним торчала из воды отколовшаяся от основного массива огромная глыба и сильно ограничивала обзор. Волны нещадно бились о ее подножье, поднимая мириады брызг, что-либо разглядеть через которые было сложно. Но в редкие моменты относительного затишья внутри пещеры становились видны несколько автомобильных покрышек, закрепленных вдоль стены.

– Позвольте, молодой человек, я тоже взгляну.

Мы и не заметили, как к нам подошел Профессор. Я отдал ему бинокль. Он долго вглядывался в него, подкручивая колесики регулировок.

– Молодые люди, спешу вас обрадовать, я знаю это место. – Торжественно сказал он после паузы. – Сразу по прилету я никак не мог отделаться от ощущения дежавю. Какая поразительная усмешка судьбы! Я бывал здесь в свое время... Правда, давненько и с этого ракурса остров никогда не видел. Эта площадка, где мы все имеем честь находиться, называлась балкон любви. Многие младшие научные сотрудники мечтали здесь уединиться с младшими научными сотрудницами. Почему-то считалось, что это очень романтично. Но, слава Богу, никто из них не решился ради этого переплыть пролив и взобраться на скалу. Собственно, им бы этого и не позволили. Да-с, хе-хе... Как интересно жизнь иногда закручивает тебя в спираль...

– Закручивается, наверно, жизнь в спираль, а не человек, Проф? – Труба как-то вдруг протрезвел.

– Нет, наоборот, именно человек в процессе своей жизни закручивается в своеобразную спираль. Фигурально, конечно. Мы, люди, мало чем отличаемся от моллюсков. Вот, *Nautilus pompilius*, например. Он спасается от врагов, отрывая куски собственного тела и бросая их на растерзание преследователям. А мы, представители Homo, не побоюсь этого слова, *sapiens*, отрываем куски нашей памяти, а иногда и совести, и тоже отдаем их на поедание врагам, думая, что спасемся... В свою очередь, наши враги делают тоже самое, и мы травимся смертельным ядом, поедая куски того, что они нам кидают на съедение. Они травятся нами, мы отравляемся ими. Все просто. Взаимопроникновение врагов, круговорот яда в жизни. Враги, в данном случае, не обязательно американцы, – тут Профессор грустно улыбнулся. – это могут быть мужчина и женщина, например. Друзья тоже являются врагами, только со знаком минус, ну, и с точностью до наоборот и так далее. Вот мы с вами тоже враги. В общем смысле. Конкуренты.

Мы с Трубой переглянулись. По его взгляду стало понятно, что он думает о том же, о чем и я. Профессор точно не в себе.

– Профессор, да какие мы с Вами конкуренты?

– Кооперации, так сказать, симбиоза, в нашем коллективе пока не наблюдаю. Да-с. Таким образом, делаю вывод – мы конкуренты. Ну, ладно, любезнейший, пока не с Вами лично, а с Трубой и Дерсу это точно. Закон эволюции, Дарвин, мать его ити... К моему глубочайшему сожалению, его учение давно стали толковать излишне расширенно. Социал-дарвинисты уже попытались перенести идеи борьбы за выживание в сферу общественной жизни, даже вывели по этому поводу целую теорию о полноценности рас. Я считаю это непростительнейшей ошибкой методологии, но сейчас не об этом...

Образованные просто одолели! Профессора понесло, лопочет какую-то дичь. Хотя, с другой стороны, он кажется вменяемым. Ну, насколько таковым может быть профессор целой кучи наук. Речи толкает заумные, но довольно связные... Значит, все не так плохо, как мне показалось. Самое главное – он сказал, что уже был здесь!

– Профессор, где станция? – Вкрадчиво, стараясь не спугнуть удачу, спросил я.

– Она внутри острова. В пещерах.

– А чем вы тут занимались?

Неожиданно этот простой вопрос привел Профессора в состояние крайнего возбуждения. Он начал метаться по краю обрыва, размахивая руками.

– Вы даже представить себе не можете! В ваших микроскопических мозгах не поместится понимание грандиозности замысла! Мы искали счастье! О чем с вами можно разговаривать? Вы же тривиальные дегенераты!

– Труба, отбери у Профессора бинокль, пока он его не расколотил. Надо его успокоить. Потом более предметно побеседуем.

– Шас он у меня успокоится, шеф. – Зло отозвался Труба. – Проф, сюда иди! Ты где тут дегенератов увидал, падла?

– Душу из него не вытряси! Он мне живой нужен.

У старика началась истерика, он совсем потерял чувство реальности и, выпучив глаза, дико орал "Дебилы, человеческий мусор!", нужно было срочно что-то делать. Внезапно он плюнул Трубе в лицо и захохотал.

– Ах ты, сука! – Труба побагровел и резким апперкотом отправил Профессора в нокаут. Тот мгновенно обмяк и мешком рухнул на землю.

– Живой?

– Да нормально все с этим козлом, Шеф, я аккуратно.

– Отнеси его на ящики. Пусть полежит на холодке.

Труба передал мне бинокль, сгреб Профессора в охапку и потащил к нашим вещам. Я пошел вслед за ними.

Да уж, интересно девки пляшут! Профессор, оказывается, работал на этом острове. Счастье он тут, видите ли, искал... Случайность, что Зоряна отправила его сюда вместе с нами? Действительно, усмешка судьбы.

– Кра! – Над нами кружил огромный черный ворон.

Тьфу на тебя! Напугал...

Труба

– Начальник, я нашел место для лагеря. – Дерсу подошел и невозмутимо сел на ящики, совершенно не обращая внимание на лежащего без сознания Профессора.

– Далеко?

– Нет.

– Пойдем, покажешь. Труба, присмотри за Профессором.

Я поднялся. Труба никак не отреагировал на мои слова, задумчиво глядя на Профессора. Ну, ничего. Старик и так никуда не сбежит. Я сунул ему бинокль.

– Полюбуйся пока на окрестности.

Мы с Дерсу пошли по скале в сторону суши. Скоро он свернул левее и начал спускаться вниз. Берег здесь был уже значительно выше, почти сравнявсь с высотой утеса, который лишь немного возвышался над окружающим ландшафтом. Чуть дальше травянистый ковер холмов вообще бесследно его поглощал. Пока я глазел по сторонам, разглядывая окружающий пейзаж, Дерсу спустился и уже ждал меня внизу.

– Спускайся, начальник, тут можно.

Опираясь о скалу и иногда цепляясь за редкие чахлые кустики, я осторожно начал спуск по скальным уступам и вскоре оказался на каменистой осыпи, в которую тут, внизу, превращалась неприступная стена нашего утеса. Пожалуй, ближе к морю по этой стене подняться или спуститься с нее смог бы только "Человек-паук" Ален Робер⁸, да и то вряд ли. По крайней мере, с этой стороны.

– Дерсу, ты на другой стороне утеса смотрел?

⁸ Alain Robert (фр.) – известный французский скалолаз и покоритель небоскребов. Знаменит тем, что все свои восхождения совершает без страховки.

– Да, начальник. Там гладкая стена. Чтобы спуститься надо дальше обходить. Тут лучше. Я посмотрел вверх, туда, откуда только что спустился. Высота не очень большая. Но как мы тут ящики будем таскать? Ладно, война план покажет.

– Куда дальше?

– Сюда, начальник.

Дерсу пошел вниз по осыпи, я последовал за ним. Среди россыпи разнокалиберных камней то и дело на поверхность выходили скальные выступы. Спуск становился все более пологим. Меж валунов все чаще и чаще стал появляться довольно густой кустарник и даже небольшие деревья. Скала загораживала их от постоянного ветра, создавая благоприятный микроклимат для роста. Наконец, мой проводник остановился.

– Смотри, начальник.

В стене утеса была щель. Дерсу заранее освободил к ней проход, ножом прорубившись через заросли кустарника. Чуть в стороне он разгреб мелкие камни у подножия огромного валуна, сделав небольшое углубление. В образовавшейся чаше уже начала собираться вода.

– Можно пить. Гора воду дает.

Я заглянул внутрь приличных размеров пещеры. Отличный грот! Мы тут запросто поместимся вместе со всем нашим барахлом. Еще и родник рядом. Прекрасно!

– Молодец, Дерсу! – Я хлопнул его по плечу. – Пошли назад. Будем ящики таскать.

Мы стали, не спеша, подниматься. Идти вверх по курумнику было гораздо тяжелее, чем спускаться, мелкие камни под ногами съезжали назад, крупные вставали непреодолимыми препятствиями, преграждая путь. Если на пути вниз с них можно было прыгнуть, сейчас приходилось искать обход. Кустарник цеплялся за одежду, и тыкал ветками в глаза, никого не желая пускать. Как только склон стал более крутым, заросли закончились, но от этого легче не стало. Там, где мы с легкостью спускались, теперь приходилось в буквальном смысле ползти на четвереньках. Мы с Дерсу карабкались, как пауки. Руки и ноги тряслись, пот заливал глаза. Подъем казался бесконечным.

Добравшись до места, где мы спускались по скале, я абсолютно без сил растянулся на камнях. Надо передохнуть.

– Как сам, Дерсу?

– Нормально, начальник. – Он сел на каменистый выступ и достал из-за пазухи свою трубку. В отличие от меня, дышал ровно и действительно казалось, что совсем не устал.

Как мы будем тут тяжеленные ящики таскать? Расколотим все и сами замудохаемся лазить по этому сыпняку туда-сюда. Рейс-то надо будет сделать не один. А потом еще и оборудование, сброшенное на парашютах, надо будет туда же доставить. Но место для лагеря шикарное, лучше не найти...

– Дерсу, слушай, а на аэродроме, пока ты нас ждал, в ящики, случайно, не заглядывал?

– Смотрел, начальник. – Первый раз я увидел, как Дерсу усмехнулся.

– Что там?

– Разное.

– Веревка там есть? Хорошая.

– Есть две бухты троса. Большие. Метров по семьдесят-восемьдесят.

– Отлично! Будем спускать ящики на веревках прямо к пещере. Пошли!

Наконец вскарабкавшись на утес, я устало поплелся к нашим компаньонам, Дерсу спокойно шел позади. Интересно, не поубивали они еще там друг друга?

Оказалось, нет, все нормально. Труба с Профессором были живы и здоровы. Вполне дружески сидели рядом на ящиках и по очереди смотрели в бинокль. Сидя к нам спиной, нас они не замечали. По мере приближения все лучше становился слышен их разговор.

– Молодой человек, а почему Вы назвались Труба, ведь, это слово женского рода?

– Э, але! Сейчас сам у меня женского рода станешь. Дай сюда бинокль! Мне шеф вообще сказал тебе его не доверять, разобьешь еще...

– Трубочка, любезнейший, что Вы так реагируете на тривиальнейшие вопросы? Я же просто поинтересовался...

– Какая я тебе "трубочка"?!! Ты очумел что ли совсем, старый, специально напрашиваешься? Не получишь больше у меня бинокль, даже не проси.

– Но, ведь, он же мне просто необходим, как Вы не понимаете?

– Проф, будешь канючить, я те снова втащу... Отстань, щас позырю маленько и дам.

– Уважаемый Труба, будьте любезны побыстрее!

– Да хорош ты уже эти свои "будьте любезны"! Интеллигент хренов!

– Правильно говорить "интеллигент". Интеллигенты – это люди верхом на телегах.

– Верхом на телегах никто не ездит, Проф, понимать надо, чепушила! На, держи бинокль, только не плачь.

– Спасибо большое, юноша, Вы очень любезны!

– Ты опять со своими любезностями?! Какой я тебе юноша?

– Ну Вы же прекрасно понимаете, что я уже в том возрасте, когда могу назвать юношей кого угодно!

Мы с Дерсу подошли и уже некоторое время, стоя за их спинами, слушали эту милую беседу.

– Профессор, как Вы себя чувствуете? – поинтересовался я.

– Шеф, а мы тут в бинокль смотрим! – подскочил Труба.

– Спасибо, вполне приемлемо. – Профессор был несколько смущен. – Извините, мы совершенно не обратили внимание, что Вы подошли.

– Хорошо. Дерсу, доставай веревки. Сейчас станет еще лучше.

– Зачем? Уверяю Вас, это совершенно излишне, я вполне адекватен. – Старик не на шутку испугался. – Уважаемый Труба, подтвердите, пожалуйста!

– Успокойтесь, Профессор! Веревками мы будем связывать не Вас, а ящики.

Дерсу достал обе бухты троса.

Я подошел к правому краю плато, на котором мы находились, и осторожно посмотрел вниз. Где находится облюбованный нами грот сверху определить было невозможно.

– Дерсу, давай-ка ты, наверное, иди вниз. А то мы спустим сейчас ящики, да не туда. Нужно сориентироваться. Профессора с собой возьми. Будете вместе принимать груз. Аккуратней там, береги старика. У меня к нему еще разговор есть, он, оказывается тут уже бывал. Ясно?

– Ясно, начальник. – после паузы ответил Дерсу, пристально посмотрев на меня.

Он деловито выбил трубку, спрятал ее во внутренний карман своей куртки и, закинув за плечи еще и свой сидор, направился к спуску. Брезентовый тюк оставил в общей куче.

– Пошли, Профессор. – Кинул он на ходу.

Профессор встал, как-то нелепо отряхнулся, бросил взгляд на Трубу и засеменил за Дерсу.

– Профессор действительно в адеквате? – спросил я байкера, когда наши компаньоны отошли на приличное расстояние.

– Нормально все с ним, шеф. Да и вообще, вроде, он нормальный старикан.

– Ладно, пошли.

Мы осторожно начали двигаться вдоль обрыва, высматривая внизу Дерсу и Профессора. Я первый увидел размахивающего руками ученого и махнул рукой, сделав знак, что вижу его. Труба шел за мной какой-то отрешенный, видно было, что он над чем-то сосредоточенно размышляет. Я даже начал беспокоиться, не свалился бы он вниз.

– Где Дерсу? – крикнул я Профессору.

– Здесь, здесь! Он расчищает площадку для ящиков под стеной.

– Пусть крикнет, когда готово будет. Мы пока ящики сюда подтащим!

Я повернулся к отставшему Трубе.

– Очнись, Труба! Что с тобой, ты где? Не время грустить, время ящики грузить! – скалambuрил я и побежал к сваленным в кучу нашим пожиткам.

У нас было около двадцати разнокалиберных ящиков. Еще и личный багаж. Пришлось долго перетаскивать все это к краю обрыва над гротом, бегая туда-сюда. Умотались.

– Перекур. – Сказал я, когда весь груз был перетащен к месту спуска, вытирая пот со лба и усаживаясь на ящик.

– Будешь? – Труба свернул самокрутку и предложил мне.

– Нет, спасибо! А ты хочешь – кури. Сейчас пять минут посидим и будем все опускать вниз.

Он, кажется, отошел от ступора, в котором находился до этого. Интересно, что это было?

– Труба, что не так с Профессором?

– Пока вы ходили осматриваться, я с ним разговаривал. Он напомнил мне отца... – После долгой паузы, глубоко затянувшись, ответил он.

– А я думал, ты детдомовский.

– Так и есть. Но остались обрывки каких-то ранних детских воспоминаний. И в них Профессор похож на моего бату. Не внешне. Ощущение просто такое. На уровне подсознания. Не могу сформулировать точнее.

А этот парень, оказывается, сентиментален. Он умнее и тоньше, чем хочет казаться. Интересно...

– Ты его искал?

– Нет, зачем? Я ему не нужен, да и мне он теперь чужой человек. Стремно же. Ну вот, например, найду я его и чо ты думаешь, будем жить-поживать, да добра наживать? Да ладно, шеф...

– Так уж и чужой?

– Конечно!

– Что-то я тебя не пойму, Труба. На словах, отец тебя мало интересуется, знать его не хочешь, а на деле, ты в первом попавшемся старике его видишь. Парадокс!

Труба долго молчал, пристально глядя на меня.

– Парадокс, говоришь, шеф... Наверно. Лучше бы его вообще не было. Он же как чемодан без ручки, нести тяжело и неудобно, а бросить жалко. Я бы с удовольствием вычеркнул его из памяти. Совсем. Но что-то мешает.

Я молчал, не зная, что сказать. У каждого, наверное, есть такие чемоданы. И не нужны они тебе, да не бросишь...

– И вообще, шеф, не лезь в душу! Насмотрелся я на таких благодетелей в детдоме, да и по жизни. Вотрутся в доверие, все изгадят, сделают с тобой селфи и тут же забудут о твоём существовании. Потом еще и строят из себя святош.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.